

25 сентября на сцене ГАТОБ

имени Абая прозвучала

опера Вагнера «Тангейзер»

 ДЕБЮТЫ,
 ГАСТРОЛИ,
 ПРЕМЬЕРЫ.

РЕВНУЯ К КОПЕРНИКУ

Если бы в наши дни 29-летний композитор (а Рихарду Вагнеру в год создания «Тангейзера» было именно столько) создал оперу, которая в числе других сочинений принесла ему славу реформатора оперного искусства, вероятно, мы просто не знали бы, как расценить такое явление. Творческая молодежь в таком возрасте еще только набирает силы.

Если бы композитор еще и сам был поэтически одарен, и писал либретто собственных опер (как было с Вагнером), то мы просто не знали бы, как назвать такое явление...

Но этим и хороши недостижимые образцы в искусстве — они так «подняли планки», что подарили нам великий смысл: жить, как сказал поэт, «ревнуя к Копернику».

Итак, «Тангейзер» Вагнера на сцене ГАТОБ им. Абая. Гастроли Немецкой государственной оперы. За дирижерским пультом — Отмар Скитнер, признанный капельмейстер музыкального театра.

Звучит увертюра: как старых знакомых, узнаешь и главные три темы — хорала-марша пилигримов (торжественную средневековую мелодию), тему Венеры и песню Тангейзера. Но в увертюре не только конспект всего действия будущей оперы. Оркестр Вагнера, который потрясал его современников, потрясает и нас. Вагнер и Скитнер мощно захватывают нас, когда одна тема как бы дополняется и оформляется другой, и, кажется, не слышишь, а видишь это обрамление скрипичных пассажей, пламенеющие всполохи тромбонов... Вспоминается Скрябин, размышляешь не о легенде, положенной в основу «Тангейзера», а о связи музыкальных идей века минувшего (впервые опера поставлена в 1845 году) и нынешнего.

Симфонизм звучания не удивляет, а невольно наталкивает на мысль: поэтому Вагнер и не оставил нам ничего, кроме опер. И дар симфониста, и сочинителя инструментальной музыки — все щедро отдал он только любимой им оперной музыке. Никто так не умел до него сочинять оперу: оркестр перехватывает у певцов кульминацию и продолжает, «поет» голосовую партию...

Удивительно написано, удивительно сыграно.

Музыка... кажется какой-то особенной материей, энергетическим пластом, который проводит к нам по особому своему каналу и все глубины, и подтекст испытанного композитором чувства, создает не только «картины» действия, но и, доплетая голосовую, внушает, полноту психологического переживания.

Вагнер умел, как и все гении, опережать время. Как в «Золоте Рейна» он предвидел буржуазное время с его властью денег и лихорадкой, так и в «Тангейзере» он предвидел од-

ну из драм нашего века: духовных поисков, жертвенной любви, миссии женщины, очищающей и спасающей мир. В «Тангейзере» витают мотивы Достоевского: сострадания, сочувствия, искупления чужих грехов, возможности умереть за любимого человека.

Герой мифа становится носителем идеи.

И, когда слышишь Тангейзера — Р. Гольдбергера и Елизавету — Х. Лизовску, и Вольфрама — Ю. Фрайера, понимаешь, почему вагнеровская опера требовала особого, нового типа певца.

Партии почти инструментальные, а не просто вокальные, они от певца требуют большого дыхания. Поэтическая насыщенность текста требует не только прекрасной дикции, но и подвижности психики, «опыта переживаний». Партии по силам только зрелым исполнителям. Голос должен выдерживать соревнование с инструментами, не сорваться, звучать в высоком диапазоне почти четыре часа — опера в четырех актах!

Надо особо сказать о благородной манере немецкой певческой школы: невероятно осмысленном пении без «дешевых» эффектов...

Не замечаешь, как оказываешься втянутым в эту оперу-диспут, оперу-обсуждение тех нравственных идей, над которыми бьемся мы и сегодня: любовь и ее роль в мире, и в борьбе за него.

Расцветет ли розами засохший посох — научимся ли мы быть добрее друг к другу и прощать, сострадая?

При всей условности оперного спектакля и огромном усилии, которое необходимо затратить для ее более полного — жаль упустить каждую фразу, каждый звук! — восприятия, все равно успеваешь заметить диво-дивное высочайшего уровня хора (хормейстер Э. Штой), постановочной культуры спектакля: живописность костюмов соперничает с живописью света, так мастера используют свет могут только настоящие большие художники театра (В. Верц). Как рационально наклонен к зрителю планшет сцены, как мягко ходят хористы — пластик глушит шаг, какими аскетичными средствами достигается эстетический результат.

Прекрасно, что существуют высокие образцы, гораздо интереснее жить, «ревнуя к Копернику».

Л. ЛУКИНА.

Фото В. Ваколкина.

